

С.Н. ХОДИН

СОЦИАЛЬНЫЕ ИДЕАЛЫ И ИЗМЕНЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ КРЕСТЬЯНСТВА БЕЛАРУСИ В 1920-е гг.

Посвящена исследованию социальных идеалов и социальной психологии белорусского крестьянства в 1920-е гг. Особое внимание уделяется динамике изменений форм землепользования и причин, их обусловивших. Проанализированы изменения в этническом и социальном составе сельскохозяйственных коллективов. Сделан вывод о том, что политика советского руководства Беларуси в отношении крестьянства в этот период строилась в основном без учета преобладавших частнособственнических устремлений.

The article is devoted to the problem of social psychology of the Belarusian peasantry in the twenties. Special attention is given to the dynamics of changes in land-tenure and the reasons which led to them. It also analyses changes in ethnic and social contents of collective farms. It makes the conclusion that the policy of the Soviet leadership in Belarus with respect to peasantry at that time was mainly built disregarding the prevalent private ownership interests.

На рубеже 1920–1921 гг. в Могилевской, Витебской и Смоленской губерниях впервые заинтересовались мнением самих крестьян о формах землепользования, которое выявило массовое стремление к расселению на хутора. Так, на вопрос, при какой из форм землепользования достигается лучшая обработка почвы, около 88 % опрошенных ответили – хуторской. Около 67 % утверждали, что именно при такой форме достигается наибольшая взаимопомощь соседей (!), и более 72 % уточнили, что жизнь на хуторах не мешает посещению детьми школы, а взрослыми – различных собраний. Поэтому не удивительно, когда приблизительно 78 % респондентов сделали вывод о том, что население их сельсоветов стремится преимущественно к хуторской форме¹. Безусловно, данный опрос проводился с определенным коэффициентом погрешности. Впервые, анкеты заполнялись работниками сельских советов, а не самими крестьянами. Во-вторых, крестьяне рассматривали в тот период борьбу за хутора как реализацию своих прав на землю и во многом еще находились в плену иллюзий столыпинской аграрной реформы. Однако даже с учетом указанных погрешностей результаты опроса выглядят достаточно репрезентативными.

По авторитетному мнению историка В.П. Данилова, остатки общинного землевладения в восточной части Беларуси не были ликвидированы Земельным кодексом БССР 5 ноября 1924 г.²

Стремление вырваться из-под опеки земельного общества и избавиться от чересполосицы, неизбежно порождаемой переделом земли, вплоть до 1925 г., также подталкивало крестьян к расселению на хутора. В начале 1920-х гг. Наркомат земледелия ССРБ (Советская Социалистическая Республика Белоруссия в 1921–1923 гг. существовала в границах 6 уездов Минской губернии) в своем отчете констатировал, что население «упрямо стремится к единоличному землепользованию и враждебно относится к возникающим колхозам»³. В 1921–1925 гг. были проведены мероприятия по усилению именно индивидуального хозяйства: разрешение свободной торговли, свободы выбора форм землепользования, льготы для показательных хозяйств и, наконец, допуск аренды земли и инвентаря, найма рабочей силы. С переходом к нэпу коллективные хозяйства были поставлены в неодинаковые производственные условия по сравнению с индивидуальными крестьянскими хозяйствами. Вплоть до конца 1925 г. они платили не только налоги, но и арендную плату за землю, а также за постройки, сады и другое государственное имущество. Значительные суммы приходилось вносить колхозам на погашение расходов по капитальному ремонту зданий и сооружений, находившихся на их территории⁴.

Тем более удивляла стабилизация распада коллективных хозяйств и начало их постепенного увеличения с 1924 г. В советской белорусской

историографии такая ситуация объяснялась тем, что крестьянство (во всяком случае беднейшая его часть) осознано необходимость совместной обработки земли. Но за общими цифрами динамики количественного роста коллективных хозяйств необходимо видеть увеличение удельного веса в социальном составе артелей и товариществ бывших ремесленников, торговцев, лиц без определенного рода занятий.

Развитие экономики республики в условиях новой экономической политики привело к значительной имущественной дифференциации, к разорению отдельных ремесленников и кустарей. К середине 1920-х гг. образовалась особая категория еврейского населения, обозначаемая в исторических источниках данного периода как «лица без определенных занятий»⁵. Реализуя провозглашенный принцип равноправия всех национальностей, Президиум ЦИК Белорусской ССР в июле 1924 г. принял постановление и создал Особую комиссию по землеустройству трудящихся евреев⁶. Во второй половине 1924 г. начинается организация еврейских мелиоративных товариществ и коллективных хозяйств. К 1 октября 1925 г. в республике было создано 1 мелиоративное товарищество, 4 поселка и 86 артелей⁷. В то же время численность всех коллективных хозяйств по БССР в период с 1 октября 1924 г. по 1 октября 1926 г. увеличилась незначительно: с 392 до 414 (по другим данным – 433). Вполне логично предположить, что этот рост обеспечивался преимущественно за счет организации еврейских артелей. Указанный процесс продолжался и на протяжении 1925/26 хозяйственного года, когда число колхозов, организованных белорусскими крестьянами, сократилось с 287 до 235, а еврейских артелей – увеличилось со 127 до 145⁸.

Если учесть, что белорусское население в 1920-е гг. в подавляющем большинстве было сельским, еврейское же, наоборот, преимущественно проживало в городах, то уменьшение удельного веса белорусов в составе членов коллективных хозяйств предполагало и сокращение доли лиц, занимавшихся ранее сельским хозяйством. Так, из числа землеустроенного еврейского населения в течение 1924/25 хозяйственного года земледельцев в прошлом было 40,5 %, рабочих – 2,6, кустарей – 23,5, извозчиков – 5,4, других трудящихся – 13,7, торговцев и прочих – 14,3 %⁹.

К концу 1920-х гг. различия в динамике колхозного движения между центральными и восточными районами Беларуси постепенно сглаживаются. Однако по-прежнему в округах, образовавшихся на основе территории неукрупненной БССР, рост численности коллективных хозяйств происходил преимущественно за счет образования еврейских артелей. В Минском округе на 1 июня 1928 г. насчитывалось 49 еврейских (в январе 1927 г. – 14) и 4 польские сельхозартели, что составляло 42 % от общего количества колхозов¹⁰. В 1927/28 хозяйственном году увеличился рост еврейских артелей и в других округах, причиной чего явилось общее ухудшение поло-

жения местечек. Об этом, например, свидетельствует заключение комиссии, обследовавшей состояние еврейских коллективных хозяйств Витебского округа: «Некоторое усиление налогового обложения частной торговли создало условия, при которых часть мелких торговцев закрыла свои предприятия и пошла в колхозы»¹¹.

В целом на 1 октября 1928 г. было организовано 243 национальных колхоза, в том числе 227 еврейских, 12 польских, 2 латышских, 1 цыганский и 1 китайский коллективы¹². Последние 2 колхоза были образованы в Витебском округе. Китайскую артель «Марковичи» организовал в Николаевском сельсовете в центре бывшего имения член КП(б)Б Чжан Ван Фу. Вначале в коллектив объединились 7 китайских семей, всего 30 человек. Так как земли имелось в колхозе лишь 17 га (2 га пахоты, 5 – луга, 8 – сада и 2 га леса), при наличии в составе членов хороших садоводов и огородников на общем собрании было решено избрать соответствующее производственное направление. Начав в тяжелых условиях, в результате громадных усилий китайская артель уже в первые годы показала пример настоящего хозяйствования. Однако ряд реорганизаций, проведенных в период массовой коллективизации, привел ее к развалу¹³.

Развитие и укрупнение колхозного движения послужили предметом специального обсуждения на IX (Юбилейной) сессии ЦИК БССР VIII созыва. XII съезд КП(б)Б, который состоялся 5–16 февраля 1929 г., указав на необходимость укрупнения колхозов, поставил задачу довести размеры их посевных площадей к концу пятилетки до 12 % от всей посевной площади республики¹⁴. На съезде особо подчеркивалось, что производственное кооперирование будет развиваться успешно, если начинать с простейших, понятных крестьянам форм (машинные, мелиоративные, животноводческие, семеноводческие товарищества и т. д.)¹⁵.

В 1927/28 хозяйственном году возросло количество сельскохозяйственной техники, направляемой в коллективные хозяйства. Вместе с тем в связи с увеличением количества таких хозяйств обеспеченность их тракторами уменьшалась¹⁶. Отсутствие техники, позволявшей выявить преимущества коллективных хозяйств в животноводстве, и специализация сельскохозяйственного производства БССР в данном направлении должны были стимулировать линию на укрепление материально-технической базы колхозов, а не на форсирование их количественного роста.

Не менее существенным являлся и фактор социальной психологии тех крестьян, которые собирались стать колхозниками и стали таковыми в 1920-е гг.

Большое значение фактору психологии придавал выдающийся теоретик кооперативного движения А.В. Чапанов: «Работа, в отличие от игры, потому и называется работой, что она тягостна для организма, ее исполняющего, и требует значительного напряжения волевых центров для своего продолжения. Для того, чтобы отмеченное

напряжение воли имело место, необходимо, чтобы оно чем-нибудь стимулировалось»¹⁷. Указанное стимулирование, по мнению А.В. Чаянова, могло осуществляться тремя путями: 1) самопринуждением (в единоличном трудовом хозяйстве); 2) внешним принуждением (со стороны предпринимателя, коллектива); 3) экономической заинтересованностью.

Рассмотрим, насколько успешно осуществлялось в колхозах 1920-х гг. принуждение к труду со стороны коллектива. Оно могло быть выявлено: 1) формированием общественных идеалов; 2) административным или идейным воздействием руководства.

Первый вариант имел место в случае идейной убежденности большинства членов коллективного хозяйства. К примеру, данной характеристикой неоднократно были отмечены белорусы-политэмигранты из США. Одна из таких групп, в прошлом рабочих заводов Форда, организовала коммуну в Игуменском повете. Благодаря сплоченности коллектив преодолел тяжелейший организационный период и в скором времени достиг неплохих (по сравнению с окружающим крестьянством) хозяйственных результатов¹⁸. Стремление к идеалам предусматривает, однако, и осознание реальных путей движения к ним, а последнее невозможно без достаточного уровня культуры, образования. Между тем по состоянию на 1925 г. количество неграмотных в коллективных хозяйствах разных округов БССР колебалось в рамках от 40 % – в Минском до 57 % – в Витебском. Большинство их было сконцентрировано в коммунах¹⁹. При сравнительно одинаковом социальном составе сельхозкоммун и артелей это позволяет утверждать, что вера в возможность строительства коммунизма в составе отдельных коллективов охватывала в первую очередь малообразованные слои населения. Исключение составляли коммунары Минского округа. Среди них процент неграмотных был самым низким по Беларуси, поскольку здесь сельскохозяйственные коммуны образовывались белорусами-политэмигрантами из США.

Что касается административного или идейного руководства, то в условиях низкого образовательного и культурного уровня рядовых членов коллективных хозяйств возрастала роль руководителей объединений. Многочисленные обследования колхозов в середине 1920-х гг. показали, что наличие талантливых авторитетных организаторов во главе коллективов в большинстве случаев являлось гарантией успешного хозяйственного развития последних. Интересен общий «портрет» руководителей коммун, артелей, товариществ. Это в первую очередь молодые мужчины, средний возраст которых составлял приблизительно 36 лет, в большинстве случаев семейные, отслужившие установленный срок в Красной Армии. Уровень образования не соответствовал степени сложности поставленных перед ними задач, однако он был несколько выше, чем у населения колхозов в целом.

Не следует преувеличивать возможность принуждения к труду силой авторитета руководителей. Можно согласиться с известным исследователем Б.Ф. Поршневым, работавшим на стыке психологии и истории, в том, что «в конечном результате внушать людям можно только то, что в общем соответствует направлению их потребностей и интересов, их убеждений и веса; отсюда следует: сам авторитет порождается коллективом, сообществом и психически индуцирован ими»²⁰. Действительно, можно отметить случаи, когда члены коллективного хозяйства отстаивали своего руководителя не в результате деловых качеств последнего, а потому, что он в большей степени удовлетворял их запросы. Предсказание А.В. Чаянова о том, что колхозное движение постоянно будет колебаться между Сциллой всеобщей демократии и Харибдой «диктаторства» со стороны руководителей, сбылось. Понятно, в случае «диктаторства» (индивидуального или коллективного) принуждение к труду достигалось уже не силой авторитета, определенной заинтересованностью, а силой страха. Отмеченная система характеризовалась отсутствием критики, наказанием за нее и в то же время не всегда препятствовала успешному развитию производства (пример коммуны им. К. Либкнехта Быховского района).

При анализе социального состава правлений отметим высокое представительство среднего крестьянства. Оно особенно контрастно на общем фоне низкого удельного веса середняков в составе населения колхозов. Такое положение можно объяснить только особенностями социальной психологии крестьянства, преобладавшего в коллективных хозяйствах. Еще Г. Успенский заметил, что «деревенский человек ценится во всех своих общественных и частных отношениях» на основании «сельскохозяйственных идеалов»²¹. Предпочтение в коллективах (кроме тех, где преобладал городской или сельский люмпен), отдавалось тем, кто уже смог добиться каких-то успехов в своем единоличном хозяйстве.

Характер взаимоотношений между местным населением и колхозами в конечном счете определялся результатами производственной деятельности последних (вне зависимости от их национального состава). Коллективы, сумевшие в трудных условиях добиться значительных успехов в своем хозяйственном развитии, неизменно пользовались авторитетом среди окружающего крестьянства²². В таких ситуациях проявлялось сохранившееся у крестьян патриархальное восприятие собственности: она всегда должна кому-то принадлежать и использоваться, к ней должен быть приложен личный труд. Все, к чему труд не был приложен, например бесхозный луг, необработанный урожай, считалось «ничьим», пользование которым никому не возбранялось²³.

Определенные моменты аналогичного отношения к собственности можно проследить и в колхозах. Разделение внутри коллективов всего имущества на «свое» (нажитое трудом) и «об-

щее» (полученные от государства постройки, кредиты и т. д.) становилось заметным уже на начальном этапе существования объединений. Предполагалось, что оно будет изживаться по мере развития коллективных хозяйств и роста самосознания его членов. Однако к концу 1920-х гг. стало очевидным: подобный процесс, по меньшей мере, не столь быстротечен. На 2-м Всебелорусском съезде колхозов в 1928 г. выступающими указывалось на то, что члены коллективов рассчитывают прежде всего на свое хозяйство и совершенно небрежно относятся к колхозному имуществу²⁴. Имеющийся инвентарь (в том числе и трактора) часто оставался в поле, ржавел под дождем²⁵. Нерациональное использование полученных кредитов вызвало предложение наркома земледелия республики Д. Ф. Прищепова предоставлять их колхозам не деньгами, а непосредственно оборудованием²⁶.

В сельскохозяйственных коммунах сохранение личного хозяйства вступало в противоречие не только с уставом, но и с положенным в основу их деятельности принципом всеобщего равенства. Лучшая обеспеченность тех или иных коммунаров у других вызывала зависть²⁷. В итоге склок и ссор, а также распоряжений руководства такие коммунары либо изгонялись, либо ликвидировали свое единоличное имущество и передавали его в общее пользование. Огромная зависимость членов коммуна от ведения общественного производства и итогов его распределения в ряде случаев порождала разделение на «верхи» и «низы», забитость и запуганность последних. Чувствуя себя в структуре коллективного хозяйства на положении наемного рабочего, коммунары соответственно относились и к коллективному имуществу, и к труду во благо умножения последнего²⁸.

Можно указать на наличие отдельных социальных групп в колхозах, где устойчивой привязанности к собственности не наблюдалось. Таковыми являлись, например, сектантские артели²⁹. Значительно быстрее отказывались от личного хозяйства бывшие красноармейцы, поскольку в частях Красной Армии, находившихся на территории Белорусской ССР (как и в целом по СССР), проводилась большая работа в плане подготовки будущих работников коллективных объединений. Здесь читались курсы по колхозному строительству, организовывались экскурсии в передовые колхозы. У привыкших к коллективному быту и подчинению красноармейцев одобрение вызывали «порядки в колхозах», которые «не то, что в единоличном хозяйстве, а как на фабрике»³⁰. Распределением демобилизованных красноармейцев по коллективным объединениям занимались непосредственно окружные секции колхозов³¹.

Однако если выгоды коллективной обработки земли действительно демонстрировались на практике, то ведение общественного животноводства довольно часто приводило к обратному выводу даже те категории лиц, которые ранее не

были связаны с сельским хозяйством. В ряде коммуна с целью избавиться от привязанности коммунаров к приведенной с собой лошади или корове животных обменивали, «чтобы все было коммунальное», «чтобы они не мозолили глаза»³². Вместе с тем трезвый учет социально-психологического фактора во многих коллективных хозяйствах приводил к тому, что продуктивный скот находился в личном пользовании или же обобществлялся, но уход за ним сохранялся индивидуальный³³. К тому же на 1 июня 1928 г. 64,5 % вступивших в сельхозартель не имели ни одной коровы. В коммунах этот показатель был еще выше³⁴.

Во второй половине 1929 г. начинается безудержное форсирование темпов коллективизации, уровня обобществления и размеров колхозов. С середины 1929 г. уже даются установки на превращение целых сельсоветов в районы сплошной коллективизации. Молочные артели и ряд других простейших кооперативных форм были отброшены как ненужные. Указанные выше психологические моменты не были учтены. Крестьянство заставили «перескакивать» через ряд промежуточных ступеней, часто прямо к коммуна. В результате в БССР до мая 1930 г. крестьянами под нож было пущено более четверти всего крупного рогатого скота, его поголовье было восстановлено только к 1941 г., в том числе коров – лишь в начале 1960-х гг.³⁵

Широкая пропаганда преимуществ коллективного хозяйствования по отношению к мелкому, единоличному породила особый психологический феномен, когда часть крестьян предполагали, что уже само объединение в колхоз обеспечит им безбедное существование. Это культивировало отношения социального иждивенчества, усиливало бесхозяйственность и ряд других негативных моментов в деятельности коллективных хозяйств. На данное социально-психологическое явление, причем в широких масштабах, указывалось уже в сентябре 1929 г. на Пленуме ЦК КП(б)Б³⁶.

В 1929–1931 гг. происходит кардинальный поворот в экономической жизни и традициях Беларуси. Несмотря на то что белорусы в последующем вышли из него достойно и продемонстрировали возможность эффективной работы в любых экономических формах, результаты такого поворота ощущались еще многие десятилетия в судьбах страны и ее жителей.

¹ См.: Государственный архив Витебской области (ГАВО). Ф. 191. Оп. 1. Д. 1. Л. 3–79.

² См.: Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1979. С. 98.

³ Отчет Народного Комиссариата земледелия за 1922 год (с 1-го янв. по 1-е окт.). Мн., 1923. С. 89.

⁴ См.: Перспективный план развития сельского и лесного хозяйства БССР на 1925/26–1929/30 гг. (Утвержден Правительством). Мн., 1927. С. 519.

⁵ Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 701. Оп. 1. Д. 29. Л. 3.

⁶ Там же. Д. 3. Л. 1.

⁷ Там же. Д. 48. Л. 35.

⁸ См.: НАРБ. Ф. 334. Оп. 1. Д. 609. Л. 31.

- ⁹ См.: НАРБ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 48. Л. 35.
- ¹⁰ См.: Лук'янчык А. Увага калгаснаму будаўніцтву. Да вынікаў 2 з'езду калгасаў Менскай акругі // Бальшавік Беларусі. 1928. № 8. С. 56.
- ¹¹ НАРБ. Ф. 338. Оп. 1. Д. 1. Л. 19, 36.
- ¹² См.: Белсельсаюз. Справаздача за 1927–1928 апэрацыйны год. 7-ы год дзейнасці. Мн., 1929. С. 3.
- ¹³ См.: НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 11. Л. 21.
- ¹⁴ См.: Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. Мн., 1984. Т. 2. С. 105.
- ¹⁵ См.: НАРБ. Ф. 103. Оп. 1. Д. 193а. Л. 261–271.
- ¹⁶ См.: Колхозы СССР. Статистический справочник. М., 1929. С. 43.
- ¹⁷ Чааянов А. В. Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации. М., 1919. С. 303–306.
- ¹⁸ См.: НАРБ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 625. Л. 26; Коллективист. 1927. № 15–16(46–47). С. 25.
- ¹⁹ См.: НАРБ. Ф. 334. Оп. 1. Д. 170. Л. 37, 45, 52, 59, 67, 74, 95.
- ²⁰ Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1979. С. 166.
- ²¹ Успенский Г. И. Крестьянин и крестьянский труд // Собр. соч.: В 9 т. М., 1956. Т. 5. С. 48.
- ²² См.: НАРБ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 622. Л. 18; Ф. 338. Оп. 1. Д. 1а. Л. 68а.
- ²³ См.: Миронов Б. Н. Историк и социология. Л., 1984.
- ²⁴ См.: 2-гі Усебеларускі з'езд калгасаў. Мн., 1928. С. 17, 19.
- ²⁵ См.: ГАВО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 16. Л. 275.
- ²⁶ См.: 2-гі Усебеларускі з'езд калгасаў... С. 37–38.
- ²⁷ См.: НАРБ. Ф. 101. Оп. 1. Д. 2508. Л. 1–2.
- ²⁸ См.: Киндеев К. Коллективные хозяйства. М., 1927. С. 84; Лабадаеў Міх. Аб некаторых пытаннях работы камсамольскіх ячэек // Бальшавік Беларусі. 1928. С. 56.
- ²⁹ См.: Отчет Гомельской губернии контрольной комиссии РКП(б) XIII губернской конференции РКП(б). Гомель, 1925. С. 34; ГАВО. Ф. 319. Оп. 1. Д. 35. Л. 402.
- ³⁰ Коллективист. 1928. № 19 (74). С. 36–37.
- ³¹ См.: ГАВО. Ф. 319. Оп. 1. Д. 35. Л. 367.
- ³² Ерохин М. М. Что дала коммуна беднякам. М., 1925. С. 13.
- ³³ См.: НАРБ. Ф. 30. Оп. 2. Д. 1794. Л. 45, 48, 52; Ф. 334. Оп. 1. Д. 625. Л. 6, 13, 49.
- ³⁴ См.: Калгасы БССР. Папярэднія вынікі абследаванняў калгасаў у 1928 і 1929 гадах. Мн., 1929. С. 10, 69.
- ³⁵ См.: Гісторыя Беларускай ССР. Мн., 1973. Т. 3. С. 416; Народное хозяйство Белорусской ССР: Стат. сб. М., 1957. С. 134; Белорусская ССР в цифрах в 1965 году: Краткий стат. сб. Мн., 1966. С. 39.
- ³⁶ См.: Стэнограма і рэзалюцыі верасеньскага Пленуму ЦК КП(б)Б (5–8 верас. 1929 г.). Мн., 1929. С. 93–94.

Поступила в редакцию 20.12.07.

Сергей Николаевич Ходин – кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета.